

Юлия ПИКАЛОВА

СЧИТАЛОЧКА НА СОН

Снова в жертву, как ягненка,
Темя жизни принесли.

Мандельштам

В черной-черной комнате...
Из детских страшилок

Ничего не говори мне!
Вот и первая строка:
Между Сциллой и Харибдой
Проплывают облака.

Под простыжкой обнаженным
Человек лежит и ждет.
Над пространством прокаженным
Пролетает самолет.

Все заданья нынче — на дом.
Забиваемся в нору
И спрягаем, коли надо:
«Ты умрешь, и я умру».

На немецком, на иврите
С крошкой сыном и отцом —
«Да и Нет не говорите
И не трогайте лицо».

И пускай течет с экрана
Сводок черная река,
Апокалипсису — рано.
Не сегодня. А пока —

Без усилия, без плана —
Полпоэмы на столе.
Спи давай, моя Светлана.
Что нам делать на земле.

Юлия Пикалова родилась в Москве, живет в Италии. Окончила филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета и программу «Мастер делового администрирования» Государственного университета Калифорнии.

ТРЕВОГА

Издалека, невинно, понемногу
По воздуху вливали нам тревогу,
Пока мы не исполнились ее.
И вот уж легким нелегко дыханье,
И чей-то вдох похож на издыханье,
А если повезет — на забытье.

Испугом переполнено по горло,
Живое закрывается покорно.
А я усну, и будут сны легки,
И озеро удваивает горы,
И золотом ссыпающийся город,
И «скорой» голубые огоньки.

КАРАНТИН

Ты царь: живи один.
Пушкин

Проснуться лет чрез сто.
Саша Черный

Один. Отрезан. Некому отдать
Клубящуюся нежность.
Не с кем плакать,
шутить, гулять.
Но полнится тетрадь,
И сладостна плодов словесных мякоть.

Один.
К чему близнец? Ведь время — вор
Для брэнного, ведь человек — калека... —
Когда он может гордость брать у гор
И озеро любить, как человека.
О чем вообще поэту горевать,
Дичая в заточении деревни,
Когда он может губы согревать
Глаголом упоительным и древним?

МИФ О МИФЕ: ОРФЕЙ

дыханьем жарким на щеке разбудишь —
и будет МЫ, не станет Я и ТЫ.
а дальше ты — избудешь, ты — забудешь,
ты — выберешь забыть! ты темноты

ослушаться не сможешь, не посмеешь.
о, поначалу это будет ад!
но день за днем — и память ты развеешь,
тут главное — не взглядывать назад.

теперь, когда в пергаментх истертых
мой облик проступает все скупей,
ты спустишься за мною в царство мертвых?..
ведь есть же миф! верни меня, Орфей!

БЕТХОВЕН. ЧЕТВЕРТЫЙ ФОРТЕПИАННЫЙ КОНЦЕРТ¹

Гаснет слух для земного, но музыки больше внутри.
Разрывает, и кажешься людям все более диким.
Эту музыку — выпусти, выпусти или умри.
Так Орфей умолял под землей о своей Эвридике.

Так Орфей умолял. Гаснет слух. Ухмыляется люд.
И написан Четвертый, солисты же требуют Третий.
Эту музыку выпусти, выпусти! — нет, не дают,
И при жизни твоей в партитуре твоей умереть ей.

Эй, не знаете разве? Угодно не так небесам!
Слух земной, человечий — он вам, малодушным, преграда!
Гаснет слух. Гаснет слух! Но Четвертый исполнишь ты сам:
Это выход последний — наверх, за предел звукоряда.

БЕТХОВЕН²

Вы прикажете слугам не впускать Бетховена
заблокируете его в мессенджерах и соцсетях
одни воюют другие майнят биткоины
третьи интригуют и путаются в путях
четвертые смесь предыдущих двух не попадают в вену
истерическая правда вступает в свои права
по невзорванному мосту французская армия входит в Вену
я смотрю с него на Дунай у меня кружится голова

¹ Последний концерт, исполненный Бетховеном (1808). Он не предполагал сам исполнить его из-за ослабления слуха и обратился сначала к Фердинанду Рису, затем к Фридриху Штейну. Но оба пианиста побоялись, что не успеют разучить сложную партию; оба рекомендовали Бетховену включить в программу Третий концерт (причем Штейн подвел автора за день до репетиции). Тогда Бетховену не оставалось ничего другого, как самому показать отвергнутое другими пианистами творение. Это было последнее игранное ИМ произведение, последнее публичное выступление за роялем. Четвертый концерт при его жизни более не исполнялся и был надолго забыт.

Вторая часть, по словам друзей Бетховена и многих искусствоведов, — Орфей (солист) вымаливает у смерти свою Эвридику, молит фурий (угрожающий, жестокий унисон струнных). Остальной оркестр молчит...

² По письмам Бетховена времен войны с Наполеоном. В основном из переписки с Жозефиной Дейм, найденной в 1950-х; прямые цитаты в кавычках; ряд слов почерпнут из других писем (про разрушение, опустошение и барабаны; про опору в себе...).

Вы прикажете себе уехать уехать себя ломая
но сохраните письма наложив седьмую печать
я стою на мосту осень страшная и немая
«Вы спрашиваете как живу я предпочел бы не отвечать»
рядом Наполеон взрывает крепостные стены
страх не добить лежачего низость и незачет
и под мостом голубая кровь из Вены
течет течет

лучше блэкаут чем шепоток и сплетни
черный квадрат в себе заключает все
снявши голову хорошо смеется последний
над временем вравшим нам что все унесет
Ваши письма найдут через полтора века
переведут издадут я читаю их спустя два
жаль до меня сказали: от всего человека
нам остается часть речи у меня кружится голова

что ощущали Вы живьем обрубая
самое себя беда здесь или вина
все течет течет по Вене кровь голубая
и Вы живы пока вливается Вам она
разрушение опустошение барабаны и мародеры
город земля душа в огне в огне
значит в самом себе он будет искать опору
и найдет заодно давая ее и мне

я стою вцепившись в перила и в гулком гrome
различать начинаю издали едва
«только звуками — ах не слишком ли я нескромен
думая что звуки мне послушнее чем слова»
только звуками из бесформенной тьмы на ошупь
и пускай он не слышит ни стереоканонад
ни тишины но так вернее и проще
потому что музыка — над